

С.А. Васильева*

**«ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ ПРОШЛА В УЧЕНЫЕ»:
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ М.Н. ГЕРНЕТА (1874–1953)**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-7
УДК 930(470)"19"+94(470)"19"*Выходные данные для цитирования:**Васильева С.А. «Вся моя жизнь прошла в ученье»: штрихи к биографии М.Н. Гернета (1874–1953) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 94–110.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-07.pdf>*

S.A. Vasilieva*

**“MY WHOLE LIFE IS LEARNING”:
TOUCHES ON THE BIOGRAPHY OF M.N. GERNET (1874–1953)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-7

*How to cite:**Vasilieva S.A. “My Whole Life is Learning”: Touches on the Biography of M.N. Gernet (1874–1953) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 94–110.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-07.pdf>]*

Abstract. The documents of the personal archive of M.N. Gernet, the most outstanding Russian criminologist, penitentiary scientist and historian, laureate of the USSR State Prize, offered to the readers’ review, relate to the period of the 1910s–1950s. It is interesting that Gernet’s scientific career took place before 1917, which did not become an obstacle to his achievements at Soviet legal science. The documents are collected in the Department of Manuscripts of the Russian State Library and are represented by manuscripts, materials related to teaching and scientific activities, letters from M.N. Gernet and his family members, photographs. Modern micro-historical analysis of sources of personal origin and personal texts helps not only to restore the psychological aspects of autobiographical memory, but also to compare the “generational identity”, with subsequent access to the macro-historical sphere. Like any personal documents, materials from a personal collection require careful interpretation and should be viewed in the context of parallel historical sources.

Keywords: M.N. Gernet, History of the Tsarist prison, the Department of Manuscripts of the Russian State Library (Foundation 603).

*The article has been received by the editor on 25.08.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. Предлагаемые обзору читателей документы периода 1910–1950-х годов – из личного архива Михаила Николаевича Гернета, русского и советского юриста, криминолога, историка, лауреата Государственной премии СССР. М. Гернет стал одним из немногих ученых, чья карьера сложилась до 1917 г., что не помешало ему успешно продолжить научную деятельность в советской юриспруденции. Документы личного происхождения (так называемые эго-документы) собраны в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и представлены рукописями, материалами, относящимися к ученическим годам, преподавательской и научной деятельности, письмами и фотографиями семьи Гернет. Современный микроисторический анализ источников личного происхождения и персональных текстов помогает не только восстановить психологические аспекты автобиографической памяти, но и сопоставить «поколен-

* **Светлана Анатольевна Васильева**, доктор исторических наук, доцент, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, e-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru
Svetlana Anatolievna Vasilieva, Doctor in History, Associate Professor, The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, e-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

ную идентичность» с последующим выходом в макроисторическое пространство. Как любые документы личного происхождения, материалы из личного фонда требуют осторожности при истолковании и должны восприниматься в контексте параллельной документации.

Ключевые слова: М.Н. Гернет, «История царской тюрьмы», фонд 603 НИОР РГБ.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

12 августа 1947 г. из радиобеседы товарища Владимиров на тему «Сталинские премии и прогресс советской общественной науки» слушатели узнали о лауреате Государственной премии СССР профессоре Всесоюзного института юридических наук Михаиле Николаевиче Гернете и двух томах его монографического исследования «История царской тюрьмы»¹, которое сочли «ценным вкладом в юридическую и в историческую науку»².

Несмотря на тот факт, что Сталинская премия М. Гернету была присуждена в области юриспруденции, всесоюзную известность ученый получил именно как историк, каковым себя никогда не считал. В истории отечественной уголовно-исполнительной системы труд М. Гернета актуален по сей день, оставаясь бесценным архивным путеводителем и даже историческим источником, поскольку многие архивные и визуальные материалы были впервые обнаружены. Один из создателей советского архивоведения историк В.В. Максакوف подтвердил научную ценность труда, благодаря которому «в научный оборот вовлечено большое количество свежих документальных материалов, многие из которых станут предметом большого внимания исследователей истории России XIX века»³.

Для нескольких поколений историков права, разрабатывающих историю пенитенциарной политики и законодательства, «История царской тюрьмы» – уникальный справочник по нормативной регламентации исполнения уголовных наказаний в Российской империи. Более полувека интеллектуальное наследие ученого в различных областях науки регулярно подвергается ревизии и перепроцессу, привлекая внимание криминологов, юристов, пенитенциаристов, историков и психологов своим фундаментальным и прикладным значением⁴.

В современной исторической науке фиксируется повышенный интерес к эго-документам (мемуарам, дневникам, переписке и пр.), которые используются не только в качестве «традиционного» источника фактической информации, но и рассматриваются как контент для «раскодирования» состояний и смыслов. Историк Л.П. Репина, обозревая методологические поиски современной мировой историографии, уделяет особое внимание анализу «персональных текстов или источников личного происхождения, в которых оказывается запечатленным индивидуальным опытом и тот или иной уровень его осмысления». Персональные тексты становятся не только основой для реконструкции личной жизни отдельной исторической личности, но также средством «познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали. Иными словами, речь идет об изначально заданной принципиальной установке на выявление социального контекста, на выход в макроисторическое пространство»⁵.

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1941–1956.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 22 об.

³ Максакوف В.В. М.Н. Гернет. История царской тюрьмы // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 136.

⁴ См., напр.: Сизова В.Н. Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства в творческом наследии Михаила Николаевича Гернета // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 44–46; Луцкий А.И., Луцкий М.И., Киндюк Б.В. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 519–529; Кобец П.Н. Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М.Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 17 (3). С. 586–601; и др.

⁵ Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань, 2001. С. 344–345.

Таким образом, в рамках перспективного направления изучения субъективности эго-документов как самостоятельной ценности в настоящее время пересматриваются «клишированные» статичные биографии, созданные в традиционном панегирическом жанре. Два серьезных биографических очерка, посвященных М. Гернету, были написаны вскоре после его смерти учениками и коллегами – А.А. Герцензоном и М.Д. Шаргородским⁶, став на долгие годы основным источником официальных биографических данных и с завидным постоянством воспроизводясь в последующих исследованиях. Новаторский подход к документам личного происхождения можно наблюдать в монографии П.А. Филиппова, написанной, в том числе, на основе материалов фонда 603 НИОР РГБ, с публикацией личных фотографий семьи Гернет⁷. К большому сожалению, монография вышла небольшим тиражом (300 экземпляров) и осталась популярной в очень узких профессиональных кругах, пополнив серию биографий золотого фонда преподавателей МГУ им. М.В. Ломоносова. В годовщину 150-летия со дня рождения ученого в журнале «Российская юстиция» вышла интересная статья А.П. Евсеева⁸, который, также на основе обращения к эго-документам, постарался показать науку через личность, вывести на первый план образы ученого, «лишенные парадного лоска»: образ «Гернета-мученика» (полностью лишившегося зрения, но не утратившего вкуса к научной работе), «Гернета – превосходного стилиста» и «Гернета-новатора, не боявшегося вместе со своими единомышленниками спускаться, как тогда говорили, “в самые нижние этажи общественного здания”»⁹. Хочется отдельно отметить коллективное исследование по истории научных школ Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ¹⁰, разрушившее многие идеологические клише, связанные с «признанием грубых методологических ошибок»¹¹, якобы осознанных М. Гернетом в 1930-х годов. Идеологическая травля, которую пережили профессора «старой школы», предстает совершенно иной в образах индивидуальной памяти, воссозданных на основе персональных текстов, нежели схематичный коллективный образ, сохранившийся на страницах советской прессы начала 1930-х годов. Очевидно, что обращение современных исследователей к предметному полю эго-истории открывает перед профессиональным сообществом историков весьма заманчивые перспективы. Публикация личных бумаг М.Н. Гернета открывает новые сведения о частной жизни и научной карьере исследователя.

В биографических очерках о М. Гернете информация о его детстве и учебе в гимназии очень скудная. Авторы сообщают только годы ученичества в Симбирской классической гимназии – 1887–1893 гг. В фонде семьи Гернет хранится дело – воспоминания Михаила Николаевича об учении в гимназии, которые он начинает, казалось бы, банальной, но такой емкой для жизненного пути ученого фразой: «Вся моя жизнь прошла в ученье». Необычайно трогательными предстают в этих воспоминаниях родители Гернета, о которых известно крайне мало. Ученый вспоминает подготовку к вступительным экзаменам, когда мать «сама и одна готовила меня к этим экзаменам, изучив для этого и латинский язык». Сначала М. Гернет поступил не в Симбирскую гимназию (как указано в официальных биографиях), а в Алатырскую прогимназию, ради чего родители не остановились перед временным раздельным проживанием членов семьи: «насколько серьезно относились родители к моему ученью видно из того, что они не остановились перед жизнью врозь, только бы следить самим за моим ученьем: мать со мною и младшими детьми переехала в Алатырь, а отец остался один в Ардатове»¹². Только после перевода отца семейства в Симбирск по долгу службы семья вновь воссоединилась.

⁶ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953) // Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1960. Т. 1. С. 7–43; Шаргородский М.Д. Михаил Николаевич Гернет // Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 8–37.

⁷ Филиппов П.А. Профессор Гернет Михаил Николаевич: жизнь и научно-творческая деятельность. М., 2015.

⁸ Евсеев А.П. Новое о М.Н. Гернете // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 56–65.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2015.

¹¹ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 31–32.

¹² НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 15. Л. 3.

Практически каждая строка воспоминаний М. Гернета так или иначе отсылает к роли родителей в его жизни и учении: «Учился я хорошо, оставаясь всегда не ниже третьего-четвертого ученика, но первым никогда не был. Отец и мать помогали в занятиях и не оставались перед затратами и на оплату репетиторов... С младших классов увлекался историей и русским языком. Очень хорошая библиотека отца позволяла мне много читать и подготавливаться к урокам глубже, чем давал объясняя преподаватель. При ответах меня охватывало даже вдохновение, и товарищи слушали меня даже внимательнее, чем самого учителя, очень плохого оратора... Сочинения по русскому языку в младших классах за меня обычно писали отец или мать, соперничавшие между собой. Отец писал очень обстоятельно и пространно, а мать коротко, и преподаватель оценивал сочинения матери лучшими баллами, нежели сочинения отца. Зато отец преуспевал в решении трудных задач...»¹³. Таких проникновенных штрихов к портрету, нет, пожалуй, ни в одном из существующих биографических очерков.

Несмотря на любовь к знаниям, период гимназического обучения Гернет, по признанию, «закончил с великой радостью», поскольку режим нового директора ему «опротивел»: «Солдатская муштровка тяготила. Чувствовалось развращение этим режимом». Выбор юридического факультета и желание стать адвокатом ученый оценил как самостоятельный, вспомнив, как отец за это решение прозвал его «Плевакой»¹⁴.

Известно, что студент Михаил Гернет становится активным участником студенческих организаций – Симбирского, а затем Сибирского землячества, имеет непосредственное отношение к изданию нелегального студенческого журнала «Студенческий голос». В фонде хранится интересная подборка архивных выписок о причастности Гернета к нелегальным организациям. Это материалы по упоминаемому в различных версиях существующих биографий случаю ареста членов студенческой организации «Союзный совет» 8 ноября 1897 г., когда у 28 студентов Московского университета при обыске были изъяты листовки, прокламации, печатные принадлежности и «в значительном количестве социал-демократическая литература»¹⁵.

Пристальное внимание правоохранительных органов не помешало М. Гернету «остаться при Университете»¹⁶ и начать не только преподавание, но и научную карьеру. Его педагогическая деятельность в качестве приват-доцента Московского университета (1904–1911 гг.), а с 1911 г. – профессора Петербургского психоневрологического института, лектора общества народных университетов, высоко оценивалась коллегами, учениками и даже вольными слушателями публичных лекций¹⁷. Гернет впоследствии вспоминал работу в университете в годы накануне первой революции как период необычайного бурления молодежи: «коридоры и аудитории заполнились, как никогда, студентами. Учащаяся молодежь из других учебных заведений, лица посторонние приходили в университет», как время небывалой популяризации общественных лекций: «Лекции сменялись митингами, митинги сменялись лекциями... На некоторых лекциях этих молодых преподавателей присутствовала аудитория не в сотни, а даже в тысячи человек»¹⁸.

Яркими штрихами к несколько официозному портрету Гернета-оратора могут стать, к примеру, прошение-приглашение от секретаря Женского клуба г. Ростова (1910 г.) «посетить нас и снова <...> глаголом жечь сердца людей»¹⁹ или просьба Общества пособия лицам, освобождаемым из мест заключения города Гомеля, «почаще читать публичные лекции» о целях и задачах патроната, дабы «популяризовать патронат среди широких слоев населения»²⁰. На наш взгляд, одно из самых трогательных подтверждений красноречия и педагоги-

¹³ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 15. Л. 3–3 об.

¹⁴ Там же. Л. 3 об.

¹⁵ Там же. Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.

¹⁶ См. документ № 1.

¹⁷ См. документ № 2, 4.

¹⁸ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 15.

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 10. Ед. хр. 44. Л. 1.

²⁰ Там же. Карт. 11. Ед. хр. 2. Л. 1.

ческого таланта М. Гернета можно найти в бережно хранимом им листке-приглашении на публичную лекцию приват-доцента Московского университета «О самоубийстве», где на оборотной стороне рукой малограмотного слушателя написана сбивчивая и сумбурная записка, в которой он доверительно сообщает лектору, что из всех его читателей «может я был ближе к самоубийству, чем иные, но слышав призыв Ваш “смотреть прямо в жизнь”»²¹ поклялся никогда этого не делать, а, напротив, по сколько силы мои будут, итти Вашим слабым помощником в великом служении идеям Вашим спасать уставших упавших, обездоленных...»²².

Студенты считали М. Гернета не только блестящим лектором, но и ведущим преподавателем-практиком. По признанию самого ученого, лучшие воспоминания об этих годах были связаны как раз с семинарской работой. По инициативе Гернета при университете был создан Музей уголовного права и специальная библиотека, где совместно со студентами преподаватель собирал различные экспонаты по истории наказаний, создавал наглядные пособия, используя диапозитивы и картограммы. В руководимой в эти годы Гернетом семинарии по уголовному праву учебная работа тесно переплеталась с практикой и самостоятельной научно-исследовательской деятельностью обучающихся²³.

Во время преподавания в Московском университете М. Гернет вновь попал в поле зрения правоохранительных органов как лицо, «известное своей политической неблагонадежностью». Коллективная работа над сборником, посвященным проблеме смертной казни, привела к объединению передовых юристов – теоретиков и практиков в общество «Лига борьбы против смертной казни». Московское Особое городское по делам об обществах присутствие, рассмотрев заявление о регистрации и проект Устава Лиги, постановило в просьбе отказать, ссылаясь на потенциальную угрозу «общественному спокойствию и безопасности»²⁴.

В десятилетия двадцатого века М. Гернет сосредотачивается больше на научной деятельности, что связано как с вынужденным уходом из Московского университета, так и с научной командировкой за границу и сбором материала для монографии. Принадлежность М. Гернета к социологическому крылу отечественной школы криминологии определяла основные направления его научных исследований – экономические причины преступности и иные социальные факторы ее происхождения. М.Н. Гернет стал первым российским криминологом, который на богатейшем материале ознакомил общество с социальным значением понятий преступления и наказания.

В 1919 г. М. Гернет возвращается в Московский университет, став одним из первых ученых-юристов, которого после Октябрьской революции пригласили работать в советские учреждения. В фонде сохранились воспоминания Гернета о становлении университетской работы первых лет советской власти: «Октябрьская Революция дала нам возможность ввести новые методы в наше преподавание... С 1919 года не только широко практиковалось посещение московских тюрем, но и изучение там отдельных заключенных. Вспоминаю, с каким интересом студенты произвели в 1923 году обследование всех заключенных арестных домов в гор. Москве по широкой анкете. В результате такой очень большой студенческой работы явилась возможность опубликовать в 1924 году коллективную работу многих авторов “Преступный мир Москвы”»²⁵. Студенты описывали стремление ученого «щедро делиться своими знаниями, оказывать помощь молодежи в ее научных исканиях, привлекать молодежь к научной работе»²⁶.

Важнейшим направлением научно-практических исследований, проводившихся М. Гернетом после Октябрьской революции, являлась разработка вопросов совершенствования уголовной политики Советского государства. В 1918 г. нарком юстиции П. Стучка пригласил

²¹ Подчеркнуто автором отзыва.

²² См. документ № 2.

²³ См. документ № 4.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 8.

²⁵ Там же. Ед. хр. 16. Л. 2.

²⁶ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 15.

ученого «составить кодекс уголовного права для социалистического общественного строя»²⁷. Впоследствии П. Стучка станет одним из создателей и первым директором Института советского права (1931 г.), что, при неоднозначной оценке его партийной деятельности, не умаляет его профессионализма и компетентности в области правоведения. Таким образом, предложение ученому в начале 1918 г., сделанное в такой форме, подтверждает, что советская власть безоговорочно приняла научный авторитет М. Гернета без дополнительных проверок на лояльность²⁸.

При участии М. Гернета в 1926 г. было организовано опытно-лабораторное учреждение – Экспериментальное Пенитенциарное Отделение – с целью изучения рационального применения различных мер воздействия исправительно-трудового характера на заключенных, осужденных на длительные сроки за тяжелые преступления, и приспособления этих заключенных к условиям трудового общежития. Этот эксперимент предоставил М. Гернету возможность апробации своей главной идеи – моделирование социальных условий, способствующих перерождению преступника. Еще в 1911 г. он писал: «Порождаемое социальными причинами преступление слишком крепко вросло в общественный организм. Сколько-нибудь значительная победа над ним будет достигнута лишь победой над порождающими его условиями»²⁹. Всестороннее изучение взаимосвязи, существующей между социальной средой и преступностью, виделось М. Гернету основной задачей современной ему науки. Он неоднократно подчеркивал, что содержание в экспериментальных учреждениях есть не наказание, а опыт новой борьбы с преступностью³⁰. По замыслу ученого, отделение должно было стать передовым пенитенциарно-методическим учебным центром с образцовыми мерами культурно-просветительской работы и трудового воспитания: «...следует признать желательным такую их постановку, чтобы ими был заполнен весь день заключенных, и должен быть дан возможный максимум знаний и здоровых развлечений, а в том числе и максимум тех здоровых радостей, которых может быть и не имеет масса народа: т.к. содержание в Экспериментальном учреждении не есть наказание, а опыт новой борьбы с преступностью, при котором дисциплинарные взыскания не должны иметь место»³¹. Силами заключенных, содержащихся в Экспериментальном пенитенциарном отделении, ставились спектакли. На одно из таких представлений (пьеса «На дне») был приглашен сам автор – М. Горький³². Газета «Вечерняя Москва» напечатала заметку о спектакле, обратив внимание читателей на сотрудников отделения, которые делают «огромное трудное дело»: «как врач изучает болезнь, так и эти социальные врачи изучают социальные болезни, их причины и выявления»³³.

Однако Экспериментальному пенитенциарному отделению не суждено было просуществовать больше двух лет. 1929 год можно считать не только последним годом работы «социальной клиники», но и временем крушения пенитенциарных утопий российских сторонников социологической школы криминологии. Позитивистская методология, на которую опирался М. Гернет в своем пенитенциарном эксперименте, не выдержала столкновения с доминирующим во всех сферах марксизмом-ленинизмом и обнажила иллюзорность гуманистических намерений излечить преступника в условиях социальной клиники.

В 1931 г. увидел свет последний монографический труд ученого в области криминологии – «Преступность за границей и в СССР»³⁴. Казалось бы, завершение научной публикаторской деятельности вполне может быть объяснима тяжелым недугом – потерей зрения. Однако обратим внимание, что к своему главному историческому труду, основанному на введении в научный оборот уникальных архивных материалов, М.Н. Гернет приступил примерно в 1937 г., т.е. будучи полностью слепым.

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 11. Ед. хр. 43. Л. 1

²⁸ См. документ № 3.

²⁹ Гернет М.Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 278.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 3. Ед. хр. 18. Л. Л. 7–8.

³¹ Там же. Л. 6–7.

³² См. документ № 5–6.

³³ Вечерняя Москва. 1928. 18 окт. № 243.

³⁴ См. документ № 9.

В «советских» биографиях Гернета «лихолетье» 1930-х годов в судьбе ученого выглядит подозрительным умолчанием. Так, А. Герцензон, максимально подробно осветив научную карьеру и труды правоведа в дореволюционный период и 1920-е годы, осторожно отмечает, что в 1930-е годы Гернет «не уделял большого внимания решению коренных методологических вопросов, связанных с изучением преступности». Но, предлагая не останавливаться «на серьезных методологических ошибках, допущенных в работе», тут же подчеркивает, как «под влиянием критики в печати и в публичных диспутах М.Н. Гернет начинает пересматривать некоторые из своих взглядов, корнями уходящие в дореволюционную русскую науку уголовного права, и на основе этого пытается по-новому оценить <...> коренные вопросы методологии этого изучения»³⁵.

Лишь недавние исследования, в том числе на основе эго-документов, позволяют под другим углом взглянуть на кардинальный поворот в научной карьере М. Гернета. В конце 1928 г. ученый был втянут в научный диспут с представителями секции государства и права Коммунистической академии, который постепенно превратился в настоящую идеологическую травлю с переходом на личность. Во взглядах М. Гернета констатировали преобладание мелкобуржуазного социологического уклона и последовательно отстраняли ученого от научной работы с советской тематикой. Ученому вменяли не только серьезные обвинения в «отходе от марксизма-ленинизма» и «использовании концепций буржуазной науки», но и обширные контакты с зарубежными учеными³⁶. В личной переписке со своим гимназическим другом С. Ушаковым Гернет постоянно жалуется на подорванное с начала 1930-х годов здоровье, имея в виду не слепоту, а «нервные» заболевания: «без видимой причины нередко бессонница, ослабляющая меня», из-за которых он «тяжело переживает даже мелочи жизни» и даже принимает наркотические средства³⁷ (имеет в виду средства от бессонницы. – С. В.).

В 1929 г. эпистолярный собеседник М. Гернета Я. Андреев, упоминая «пережитую бурю», призывает ученого «взять перо в руки и сделать некоторое усилие», чтобы снова обрести себя³⁸. Однако идеологические гонения не позволили ученому «обрести себя» и продолжить научные изыскания в области криминологии и уголовного права. Основные претензии к методологическим ориентирам ученого – «буржуазному позитивизму», социологизаторству, игнорированию закона классовой борьбы – ставили под сомнение авторитет его научных выводов.

Новые научные ориентиры М. Гернет обрел в истории права, в узком отраслевом сегменте – пенитенциарной истории. Свою речь по поводу получения одной из высших форм поощрения граждан СССР за высокий научный и культурный вклад – Сталинской премии – М. Гернет закончил словами: «Мне хочется подчеркнуть, что почти за полвека моей научной работы я никогда не работал с таким интересом и увлечением, как над этой темой по истории царской тюрьмы»³⁹.

Предлагаемые обзору читателей документы из личного архива Михаила Николаевича Гернета хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Как любые документы личного происхождения, материалы из личного фонда требуют осторожности при истолковании и должны восприниматься в контексте параллельной документации.

Документы публикуются с сохранением их стилистических особенностей.

³⁵ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 31–32.

³⁶ См. документ № 8.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 9. Ед. хр. 79. Л. 2 об., 26 и др.

³⁸ См. документ № 7.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 25.

* * *

№ 1

**Справка III-го делопроизводства департамента полиции
от 1 декабря 1897 г. о Гернет Михаиле Николаевиче**

1/XII-97

Московский обер-полицмейстер отношением от 14 октября 1897 г. за № 2958, сообщил Д-ту полиции следующее:

«8 сего октября, к 9 ч. вечера, к студенту Московского Университета, Историко-филологичес. фак., последн. курса, Александру Васильевичу Соколову, проживающему совместно с женой своей Екатериной Петровой в № 118 гостиницы «Петергоф» в д. Скворцовых, по Моховой ул., собрались нижеследующие 10 человек, которые были переписаны местным приставом: студенты Московского Университета: Васютинский, Кольчевский, Никитин, Яковлев, Василенко, Карасев, Алябьев, Саводник, Виктор и помощник присяжного поверенного, оставленный при Московском Университете Михаил Николаев Гернет.

Теперь стало известно, что переписанным оказался кружок Марксистов организованный филологами еще в прошлом учебном году. Вышеупомянутый ГЕРНЕТ^а участвовал в студенческой союзной организации, а затем был членом Союзного Совета и в названном кружке, как окончивший курс, играл руководящую роль.

На основании всего сказанного, оставление ГЕРНЕТА при Университете является крайне не желательным, так как он будет источником брожения среди студентов.

Об изложенном имею честь сообщить Департаменту полиции на благоусмотрение.

По приказу его превосходительства Директора Департамента

23 октября 1897 г. была представлена справка о ГЕРНЕТЕ следующего содержания:

«ГЕРНЕТ Михаил Николаев, дворянин Симбирской губернии получил первоначальное образование в Симбирской гимназии; в 1897 г. окончил курс Московского Университета, по юридическому факультету. В делах Д-та неблагоприятных сведений о нем не имеется»

На вышеизложенном отношении Московского Обер-полицмейстера за № 2958, его превосходительством господином Вице-директором положена резолюция «Представить Г. Директору». Едва ли такой случай может служить поводом к устранению Гернета».

В. Потапов

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 6–7.
Машинописный текст. Подпись – автограф

№ 2

**Отзыв (анонимный) на публичную лекцию
профессора М.Н. Гернета «О самоубийстве»^б**Даты нет¹

Дорогой Михаил Николаевич!

Спасибо Вам – вчера сказал я в комнате лектора. За что? Ваш вопрос. За то, что великим светом знания Вы защитили бедноту. За то, что из всех слушавших Вас, быть может я был ближе к самоубийству чем иные, но слышав призыв Ваш «смотреть прямо в жизнь»^в я вчера думал передать Вам – (но думая об утомлении Вашем и самолично утомясь не ска-

^а Написано заглавными буквами и подчеркнуто в тексте справки.

^б Написано на обороте листка-объявления о публичной лекции приват-доцента Московского университета М.Н. Гернета «О самоубийстве».

^в Подчеркнуто автором отзыва.

зал вот что^г) клянусь Вам никогда не кончить жизнь самоубийством, а по сколько силы мои будут, итти Вашим слабым помощником в великом служении идеям Вашим спасти уставших упавших, обездоленных затиснутых [неразб.] условиями. За то, что всем слушавшим Вас вы передали новые силы для борьбы за лучшее людей.

Всю жизнь я не жалею малых средств на помощь бедным крестьянам, всем кто проходил мимо меня с просьбой чего-либо денег книжек и пр.^о

За яркий очерк страшного вызова обществу ... от самоубийц спасибо в сильной лекции данной спасибо.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 8. Ед. хр. 3. Л. 2.

Рукописный текст. Подписи нет

№ 3

Письмо П. Стучки² к М. Гернету

11 мая 1918 г.

Москва, Ильинка 21

Михаил Николаевич!

В Отделе Законодательных Предположений и Кодификации имеется отделение Уголовного Права, цель которого, между прочим, составить кодекс уголовного права для социального общественного строя, или, по крайней мере, для переходного к нему периода. Среди криминалистов-теоретиков я сейчас знаю только одного человека, который, судя по его работам, мог бы взять на себя редакцию подобного кодекса. Этот человек – Вы.

Я вполне согласен с Вашей суровой критикой по отношению к предпринятой моим предшественником перекройки «Таганцевского»³ кодекса, и, будучи убежден, что у Вас имеются, как лучший ответ на подобную работу, свой план кодекса⁴, предлагаю Вам возможность осуществить этот план в Отделе Законодательных Предположений нашего Комиссариата.

Я знаю, что вы настроены несколько враждебно к нам, но я всегда бываю откровенен и предлагаю вам откровенно сказать мне, если вы согласны побеседовать на эту тему со мной.

Уважающий Вас П. Стучка.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 11. Ед. хр. 43. Л. 1.

Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 4

Письмо Б.И. Пятницкого⁵ к М.Н. Гернету

6. II. 28 г.

Москва

Дорогой,
Михаил Николаевич,

Возвратившись в Москву из командировки, узнал из газетной заметки об исполнившемся тридцатилетии Вашей научной деятельности.

Спешу, хотя и с опозданием, приветствовать Вас.

Юбилеи – всегда повод для оценки значения и деятельности юбиляра. Не мне, Вашему рядовому ученику, говорить о значении Ваших трудов в криминологии.

^г Над строчками основного текста мелко надписано.

^а Предложение зачеркнуто автором отзыва.

Но, как ученик, хочу, в связи с вашим юбилеем, сообщить Вам несколько воспоминаний о влиянии Вашем на слушателей.

Уголовное право в Вашем преподавании являлось горячей проповедью гуманности.

Говоря о правонарушениях и применяемых Государством суровых способов борьбы с ними, Вы всегда сосредотачивали наше внимание на человеческой личности, которую необходимо разглядеть в преступнике как бы ужасно не было им совершенное.

И я убежден, что все ваши ученики, которым приходилось практически работать в уголовном суде – на ролях ли следователя или прокурора – не могли не помнить Вашего призыва к человечности, и он неизбежно сказывался на их работе.

Я не говорю уже о Ваших учениках, ушедших в адвокатуру. Их защитительная работа во многом являлась практическим осуществлением Ваших уроков.

Признаю, что Вы создали свою школу молодых ученых-криминалистов.

Я добавлю, что еще более значительно было число криминалистов-практиков, проводивших в жизнь воспринятое у Вас учение, а потому также составляющих Вашу «школу».

Говорю в прошедшем времени, т.к. мне кажется, что теперь Ваших учеников среди судебных деятелей осталось, к сожалению, мало.

Примите пожелания сил и здоровья для дальнейшей работы от Вашего старого ученика, всегда благодарно вспоминающего аудиторию Университета⁶ и преподававшего в ней криминалиста-гуманиста.

Сердечно преданный Б. Пятницкий.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 11. Ед. хр. 29. Л. 1–2.
Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 5

Письмо М.Н. Гернета к М. Горькому

1928, 11 октября.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

При Госуд. инст. по изуч. преступности в Москве второй год существует опытный исправ. труд. дом (так назыв. эксперимен. пенитен. Отделение⁷). Это опыт устройства социальной клиники без решеток, с постоянно открытыми незапертыми дверями камер, со штатом по большей части из молодых женщин с высшим юридич. психолог. или психиатрич. образованием, которые всесторонне изучают заключенных и несут культурно-просветительную работу. Никаких дисциплинарных наказаний здесь не применяется и учреждение находится в ведении совета, куда кроме работника из главн. управ. мест заключения входят четыре теоретика (криминалист-социолог, психолог, психиатр, пенитенциарист). Мы ставим своей задачей воплотить в жизнь цели социального приспособления с наивозможно полным устранением страданий личности. Заключенные в громадном большинстве совершили те или иные общеуголовные преступления. В то время как все работники этого учреждения верят в успех своего дела, находятся и скептики. Нам хотелось показать наше учреждение на спектакле заключенных, которые ставят вашу пьесу «На дне» в эту субботу вечером. Мы были бы рады видеть Вас у себя и просим посетить нас.

Примите прилагаемую мою книжку с очерками тюремной психологии⁸. Эту «тюремную психологию» мы хотим изжить в нашей социальной клинике.

С глубоким уважением к Вам

Сев.жел.дор. Лосиноостровская, ул. Чичерина, дом 2.

Профессор МГУ МИХНИК ГЕРНЕТ

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 8. Ед. хр. 20. Л. 1.
Машинописный текст. Подпись – автограф

№ 6

Письмо М. Горького к М.Н. Гернету

12.10.28

Уважаемый Михаил Николаевич.

Крайне сожалею что не могу быть на интересном спектакле, организованном Вашим институтом.

Примите мое уважение и передавайте привет мой участникам спектакля, а также и зрителям.

М. Горький

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 9. Ед. хр. 71. Л. 1.
Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 7

Письмо Я. Андреева⁹ к М.Н. Гернету

20/XI 1929

Дорогой Михаил Николаевич!

От всей души спасибо за книгу. Откровенно говоря, мне ее давно хотелось иметь, но в продаже ее кажется нет. Вопрос о смертной казни, войне и вообще об убийстве всегда интересовал меня¹⁰. Интересовал особенно и главным образом с прогностической точки зрения. В каждом акте убийства, в какой бы форме он не совершался есть что-то отвратительное, отталкивающее. И в то же время убийство в природе как будто биологически узаконено. Там где есть борьба за существование, а она везде есть, там, как одна из форм этой борьбы, существует и убийство.

Не означает ли это, что уничтожение одного человека другим будет существовать вечно?

Эволюция столь медленный процесс, что, кажется, современная наука начинает сомневаться в возможности ее влияния на улучшение человеческой породы.

Во всяком случае одно бесспорно – узаконенное убийство 5–6 тысяч лет тому назад по существу не отличается от современного. Разница только в обстановке, в средствах. В чем же сказалось влияние прогресса? В изменениях внешних форм бытия – более пестрая, кричащая личина, более дерзкая надменно-ложная и все оправдывающая мысль, более тонко-извращенное всегда острое чувствование. И только! А из под тысячелетней культуры торчат клыки гориллы, вооруженной митральезой. В животном, также и в человеке, есть инстинкты, рефлексy, которые автоматически управляют его поведением. Обычно эти рефлексy направлены к сохранению жизни индивидуума или вида. Они столь сильны, что могут быть преодолены только в патологическом состоянии.

В минуту смертельной опасности организм быстро мобилизует все свои резервные силы для борьбы или для спасения бегством. Убийство в природе всегда есть последняя и крайняя мера самообороны или способ питания. Природа не знает смертной казни, как наказания. Человек – homo sapiens выполз из этих непреложных законов природы, создал общество, искусство, религию, законы морали. Неизменной осталась в нем способность к убийству. Будет ли это когда-нибудь изжито? Где предпосылки к этому будущему? – Их можно найти в Вашей книге. Даже самый факт появления такой книги – есть знаменательный факт!

Простите, дорогой Михаил Николаевич, что такими мрачными рассуждениями наполнено мое письмо. Причина – я бегло просмотрел вашу книгу «Смертная казнь»¹¹.

Как бы мне хотелось, чтобы белый лист бумаги, вставленный в машинку, запестрел бы черными буквами, складывая которые мы могли бы читать Ваши мысли.

Особенно четко и глубоко очерчиваются мысли на фоне только что пережитой бури, пронесшейся грозы. В этот момент в них вкладывается вся глубина свежих переживаний, волнующих чувств. Попробуйте взять перо в руки и сделать некоторое усилие, дорогой Михаил Николаевич, и вы снова обретете себя.

Светлой радости в творчестве от всей души желаю Вам.

Ваш Я. Андреев

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 9. Ед. хр. 27. Л. 1–2 об.
Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 8

Письмо Дж. Джиллина¹² к М.Н. Гернету¹³

Декабрь. 9. 1931.

Мисконсинский^е Университет

Отделение Социологии и Антропологии.

Дорогой Профессор Гернет.

Я предполагаю в следующем гиду посетить Россию. с целью изучения тюремной системы для уголовных заключенных при**** Советам. Мисс Элен Шлосберг, секретарь Англо-Американской Секции СССР Общества Культурной Связи с Иностранными Государствами дала мне Ваш адрес и сообщила мне, что она направила экземпляр моей книги под заглавием «Усмирение преступника» в Институт**** Криминологии¹⁴. Эта книга появилась в результате исследования, которое я сделал во время своего кругосветного путешествия четыре года тому назад. Она скажет^и Вам кое что о характере исследования, которое я хочу сделать в России.

Я был бы рад, если бы Вы могли дать мне некоторые указания по поводу того, какие учреждения мне следовало бы посетить, чтобы получить хорошее представление о системе, ныне существующей в России, а также кое-что о вашем институте, который я, разумеется, хотел бы посетить, если совершу это путешествие. Может быть Вы также могли бы мне дать некоторые указания по поводу того, какие меры я должен бы был предпринять заранее, чтобы ускорить дело и совершить мое путешествие с возможно наименьшей отсрочкой. Я предполагаю отплыть из Соединенных Штатов в Июне и прибыть в Россию как можно раньше. На обратном пути я предполагаю остановиться в Германии для изучения ее учреждений при новом режиме, но сначала хочу поехать в Россию.

С благодарностью за всякие указания, которые Вы могли бы мне дать, я остаюсь искренне Ваш

Джиллиан. Профессор Социологии.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 10. Ед. хр. 7. Л. 1–2 об.
Машинописная копия – перевод

^е Опечатка. Висконсинский университет.

^ж Зачеркнуто машинкой.

^з Зачеркнуто машинкой.

^и Впечатано сверху над зачеркнутым «Я скажу».

№ 9

Письмо П.И. Люблинского¹⁵ к М.Н. Гернету

7 октября 1931.

Дорогой Михаил Николаевич,

Приветствую Вас с выходом в свет Вашей новой книги, извлеченной из недр издательства с наложением щипцов и испытавшей на себе такие следы оперативного вмешательства. Предисловие издательства¹⁶ – в духе современного лозунга поощрения авторов к дальнейшему писательству, как того требовало постановление ВПК об издательском деле. Это прямое издевательство над кабальным автором. Но книга говорит сама за себя, и поэтому опровержения не требуется.

При несколько ином положении я отметил бы выход Вашей книги соответствующей рецензией, но сейчас приходится изложить лишь в дружеском письме некоторые суждения о ней.

Большой труд, на нее затраченный, виден из каждой страницы. Вы правы, говоря, что по ряду колониальных стран Вам пришлось быть пионером. Материалы по СССР особенно ценны. Не Ваша вина, а Ваша беда, что ряд разрезов разработки /семейное положение, образование, жилищные условия и пр./ не вошел в книгу. Должен, однако, сознаться, что чтение Вашей работы укрепило во мне убеждение в тщетности уловить при помощи общей угол. статистики ре а л ь н у ю^к картину преступности, установить д и н а м и к у ее и даже предположительно выявить ф а к т о р ы ее. Для всего этого официальная статистика является кривым зеркалом.

Я, напр., насчитал примерно до 30 условий, определяющих возможность сопоставления между собой цифр преступности по годам. Так, если в 1925 г. мы имели X осужденных (или обвиняемых), а в 1930г. – У, то при превышении У над X мы можем заключить о том, что преступность за этот период реально повысилась, учтя такие моменты:

1. Тождество территории, 2/ изменения в численности населения, 3/ изменения в возрастном составе населения, 4/ изменения в распределении его между городом и деревней, 5/ изменение в уголовном законодательстве, 6/ изменения в истолковании практикой угол. материального закона, 7/ расширение или сужение судебной компетенции за счет административной, товар. судов и пр., 8/ существовавшие направления судебной политики /ударн. комп. и пр./, 9/степень энергии и успешности работы органов расследования и прокуратуры, 10/ степень удовлетворительности и полноты статистической регистрации преступлений, 11/ исправность работы почты, 12/ общественно-психологическую реакцию на те или иные преступления /степень выявления их/, 13/ пропускную способность судов и сроки рассмотрения дел, 14/ подсудность спец. судов и квази-судебных органов /ГПУ и пр./, 15/ длительность сроков лишения свободы, назначаемых судом /для учета рецидива/, 16/ изменения в легальной группировке отдельных преступлений и т.д.

Каждое из этих условий имеет такое громадное значение, что без учета его влияния невозможно сделать вывод о реальном увеличении или уменьшении преступности. Если напр. завтра будет введен в действие проект УК Комакадемии, то сравнение последующей преступности с преступностью предшествующих лет не даст возможности в целом сделать каких либо обоснованных выводов /я не говорю об отдельных преступлениях/. Только некоторые страны /напр. Англия, отчасти Франция/, где эти условия имеют относительно устойчивый характер, позволяют говорить о «динамике» преступности. Что касается «факторов», то здесь гадательности еще больше.

Исходя из этих соображений, я в ряде случаев не мог бы согласиться с сделанными Вами выводами о причинах этого роста. Во всяком случае эти выводы остаются неубедительными. Сама преступность настолько разнородна по своей тяжести, социальному харак-

^к Здесь и далее разрезанный текст использован автором письма для акцента.

теру, формам и пр., что делать какие либо научные выводы о «преступности вообще» /чисто формальное понятие/ почти невозможно.

Делюсь с Вами своими скептическими мыслями потому, что глубоко убежден в необходимости совершенно по иному построить учет и научную разработку цифр преступности. Уже одно то обстоятельство, что при существующих условиях нельзя провести каких либо параллелей между преступностью отдельных стран, свидетельствует об отсутствии стандартизированных приемов разработки. Задача угол. статистики – дать таблицы, выводы же могут быть сделаны лишь на почве углубленной социологической разработки отдельных видов преступлений, как это сделали Вы в вопросе о детоубийстве¹⁷ в свое время.

Но при всем моем скепсисе, я убежден, что опубликованные в вашей книге цифры окажутся полезным подспорьем для многих исследователей.

Теперь о другом. В каком положении у Вас вопрос "[...]"^м даже библиотеки. Столковались ли с Межд. Книгой. Что "[...]"^о в Гос. Институте¹⁸. У нас в Кабинете с половины сентября пошли серые бесцветные доклады. 16 окт. поставлен мой доклад на тему: «Проекты междун. уголовной юстиции и борьба против Советского Союза». Тезисы одобрены, а после доклада, уверен, будет опять ругань. Она, по видимому, не прекращается т.к. летом та же кампания выступала против меня на областном съезде научных работников. Казалось бы, я им уже не помеха. С 22 по 27 сентября я по поручению Института Охматмлада¹⁹ ездил в район г. Острова для обследования тамошних колхозов и коммун с точки зрения положения женского труда. Собрал много материалов и представил обширный доклад. Веду научно-исследовательские работы почти исключительно по женским проблемам. Приходится проводить и организ. работу и преподавательскую /вечерний Педвуз, курсы усов. врачей и пр./ В общем от безделья скучать не приходится.

Жду от Вас более подробного письма.

С дружеским приветом и рукопожатием

П. Люблинский

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 10. Ед. хр. 62. Л. 19–20.

Машинописный текст. Подпись – автограф

Комментарии

¹ Предположительно между 1904 и 1911 гг., когда М.Н. Гернет занимал должность приват-доцента Московского университета.

² Стучка Петр Иванович (Петерис Янович) – латвийский и российский политический деятель, юрист, академик. В 1918 г. занимал пост Наркома юстиции РСФСР. Под руководством П. Стучки закладывались основы советского правоведения. Впоследствии станет одним из создателей и первым директором Института советского права.

³ Таганцев Николай Степанович – отечественный правовед, криминолог, один из основателей науки уголовного права в России.

⁴ В советский период М.Н. Гернет подготовил серию работ, являющихся комментариями к Уголовному кодексу РСФСР 1922 г., в число которых вошли «Практический комментарий к Общей части УК РСФСР» (1924), «Имущественные преступления. Комментарий к УК», «Комментарий к статьям 18, 18а, 18б, 24, 25, 28, 180–199 УК» (1925).

⁵ Пятницкий Борис Иванович – чиновник, юрист, до 1917 г. входил в состав Могилевского отдела партии кадетов. В 1910 г. в рамках семинария по уголовному праву приват-доцента М. Гернета при Московском университете выпустил книгу: *Пятницкий Б.И. Половые извращения и уголовное право / с предисл. прив.-доц. М.Н. Гернета. Могилев губ.: тип. И.Б. Клаза, 1910. 84 с.*

⁶ Московский университет, где М. Гернет работал в 1904–1911 гг. приват-доцентом.

⁷ Экспериментальное Пенитенциарное Отделение (ЭКСПОГИ) – место лишения свободы с 1926 по 1929 г. Территориально располагалось в здании бывшего Ивановского монастыря. Главной целью создания ЭКСПОГИ было заявлено «установление научно-практическим путем рациональных методов исправительно-трудового воздействия, соответственно всем типам мест заключения, предусмотренных исправительно-трудовым законодательством РСФСР». М.Н. Гернет входил в Совет директоров ЭКСПОГИ.

^{л-м} Лист поврежден.

^{н-о} Лист поврежден.

- ⁸ Гернет М.Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. М., 1925.
- ⁹ Личность установить не удалось.
- ¹⁰ Вероятно, речь идет об издании: Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927.
- ¹¹ Гернет М.Н. Смертная казнь. М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. 149 с.
- ¹² Джон Льюис Джиллин – американский социолог, в 1907–1912 гг. – профессор социальных наук Университета Айовы, в 1912–1958 – профессор Отделения социологии и антропологии Висконсинского университета, в 1926 г. – 16-й президент Американской социологической ассоциации.
- ¹³ Текст письма – русскоязычный перевод письма Дж. Джиллина, напечатан на пишущей машинке на листе почтовой бумаги. На оборотной стороне черновик ответа М. Гернета на французском языке.
- ¹⁴ Имеется в виду Государственный институт по изучению преступности и преступника (ГИИПП) при НКВД РСФСР.
- ¹⁵ Люблинский Павел Исаакович – российский и советский ученый-правовед, специалист в области уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор. В советское время преподавал в Петроградском университете, Ленинградском юридическом институте (заведующий кафедрой уголовного процесса), в Педагогическом институте им. А.И. Герцена.
- ¹⁶ Речь идет о научной монографии: Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М.: Советское законодательство, 1931. 186 с. Предисловие издательства «Советское законодательство» наглядно отражает начало той идеологической травли, которой подверглись «старые профессора», чья научная карьера состоялась в дореволюционный период. Автору вменяется в вину то, что он «не является марксистом», пользуется «буржуазной не столько наукой, сколько апологетикой», «нигде не критикует и не оспаривает этих данных», «не разоблачает ложь и лицемерие буржуазной уголовной статистики, не предупреждает и не вооружает советского читателя против буржуазной науки». В 1931 г. такой текст был равносителен доносу, на основании которого вполне можно было арестовать за антисоветскую агитацию и пропаганду.
- ¹⁷ Имеет в виду дореволюционную монографию: Гернет М.Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с.
- ¹⁸ Имеется в виду Государственный институт по изучению преступности и преступника (ГИИПП) при НКВД РСФСР.
- ¹⁹ Общество охраны материнства и младенчества.

Литература

- Анощенкова С.В. М.Н. Гернет. Взгляд в прошлое // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 24–26.
- Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Юрид. изд-во, 1941–1956. 247 + 478 + 376 + 248 + 339 с.
- Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953) // Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1960. Т. 1. С. 7–43.
- Евсеев А.П. Новое о М.Н. Гернете // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 56–65.
- Захаров Д.П. Михаил Николаевич Гернет, 1874–1953 // Правоведение. 1978. № 5. С. 97–108.
- Кобец П.Н. Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М.Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 17 (3). С. 586–601.
- Кораблин К.К. М.Н. Гернет – выдающийся ученый-юрист, основоположник отечественной пенитенциарной науки (к 145-летию со дня рождения) // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 168–180.
- Луцкий А.И., Луцкий М.И., Киндюк Б.В. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 519–529.
- Максаков В.В. М.Н. Гернет. История царской тюрьмы // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 135–138.
- Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 344–345.

Сизова В.Н. Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства в творческом наследии Михаила Николаевича Гернета // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 44–46.

Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: 4-е изд., доп. и перераб. / Е.А. Прянишников и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 568 с.

Филиппов П.А. Профессор Гернет Михаил Николаевич: жизнь и научно-творческая деятельность. М.: Зерцало-М, 2015. 85 с.

Шаргородский М.Д. Михаил Николаевич Гернет // Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 8–37.

References

Anoshchenkova, S. (2013). M.N. Gernet. *Vzglyad v proshloe* [M.N. Gernet. A Look into the Past]. In *Sotsial'no-politicheskie nauki*. No. 1, pp. 24–26.

Evseev, A.P. (2024). Novoe o M.N. Gernete [New Information about M.N. Gernet]. In *Rossiyskaya yustitsiya*. No. 2, pp. 56–65.

Filippov, P. (2015). Professor Gernet Mikhail Nikolaevich: zhizn' i nauchno-tvorcheskaya deyatel'nost' [Professor Gernet Mikhail Nikolaevich: Life and Scientific and Creative Activity]. Moscow, Zertsalo-M. 85 p.

Gernet, M. (1941–1956). *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [The History of the Tsar's Prison] Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo. 247 + 478 + 376 + 248 + 339 p.

Gertsenzon, A. (1960). Mikhail Nikolaevich Gernet, ego zhizn', obshchestvennaya i nauchnaya deyatel'nost' (1874–1953) [Mikhail Nikolaevich Gernet, His Life, Social and Scientific Activity (1874–1953)]. In *Gernet M.N. Istoriya tsarskoi tyur'my*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. Vol. 1, pp. 7–43.

Kobets, P. (2023). Nauchnoe tvorchestvo vydayushchegosya otechestvennogo pravoveda M.N. Gerneta i ego rol' v razvitii nauk ugovornogo prava i kriminologii v dorevolutsionnyy period [Scientific Creativity of the Outstanding Russian Jurist M.N. Gernet and His Role in the Development of the Science of Criminal Law and Criminology in the Pre-Revolutionary Period]. In *Russian Journal of Economics and Law*. No. 17 (3), pp. 586–601.

Korablin, K. (2019). M.N. Gernet – vydayushchiysya uchenyy-yurist, osnovopolozhnik otechestvennoy penitentsiarnoy nauki (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya) [M.N. Gernet is an Outstanding Legal Scientist, the Founder of the National Penitentiary Science (On the 145th Anniversary of His Bbirth)]. In *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 7, pp. 168–180.

Lutskiy, A., Lutskiy, M., Kindyuk, B. (2019). Vklad professora M.N. Gerneta v razvitie yuridicheskoy nauki [Professor M. N. Gernet's Contribution to the Development of Legal Science]. In *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. Vol. 13, No. 3, pp. 519–529.

Maksakov, V.V. (1947). M.N. Gernet. *Istoriya tsarskoy tyur'my* [The History of the Tsar's Prison]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 135–138.

Pryanishnikov, E.A., et al. (2015). *Stranitsy istorii i ocherki o nauchnykh shkolakh Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii* [Pages of History and Essays on Scientific Schools of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. 568 p.

Repina, L.P. (2001). Personal'nye teksty i “novaya biograficheskaya istoriya”: ot individual'nogo opyta k sotsial'noy pamyati [Personal Texts and a “New Biographical History”: From Individual Experience to Social Memory]. In *Sotvorenie Istorii. Chelovek – Pamyat' – Tekst*. Kazan, Izdatel'stvo KGU, pp. 344–345.

Shargorodskiy, M. (1974). Mikhail Nikolaevich Gernet [Mikhail Nikolaevich Gernet]. In *Gernet M.N. Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 8–37.

Sizova, V. (2015). Nekotorye voprosy effektivnosti ugovnogo zakonodatel'stva v tvorcheskom nasledii Mikhaila Nikolaevicha Gerneta [Some Questions of the Effectiveness of Criminal Legislation in the Creative Legacy of Mikhail Nikolaevich Gernet]. In *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. No. 1 (29), pp. 44–46.

Zakharov, D. (1978). Mikhail Nikolaevich Gernet, 1874–1953 [Mikhail Nikolaevich Gernet, 1874–1953]. In *Pravovedenie*. No. 5, pp. 97–108.